

Т. Л. Селитрина

УРОКИ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

В творческой практике американского писателя Генри Джеймса (*Henry James, 1843–1916*) основополагающими станут процессы познания человеком мира и формы этого познания. В начале творческого пути Джеймс переводил А. де Мюссе, подражал П. Мериме, Жорж Санд, О. де Бальзаку. Сам Джеймс во многом ориентировался в «годы учений» на бальзаковский тип реализма, равно как и на творчество И.С. Тургенева, который стал для Джеймса образцом писателя и человека.

Когда в конце 70-х гг. XIX века Джеймс обратился к исследованию американской действительности, он внимательно изучал опыт Бальзака: «*Бальзак – отец наш*» [1, с. 47].

В письме У. Хоуэллсу (*William Dean Howells; 1837 – 1920*) Джеймс прямо говорит о влиянии на него французского романиста. Более того, создавая свой первый роман «Родерик Хадсон» (*Roderick Hudson, 1870*), он пишет, что «*свил себе гнездо в тени великого Бальзака*»: «его величественный пример – в этом нет большого секрета – высился в моих глазах над местом действия» [2, с. 202].

Работая над «чисто американской историей», романом «Вашингтонская площадь» (*Washington Square, 1880*), по его признанию, он стремился использовать так называемые «*paraphernalia*», т.е. атрибуты осязаемого мира, которые его восхищали в творениях Бальзака. Несколькими годами ранее он советовал писательнице Е. Прескотт (*E. Livingston Prescott (1847–1901)*) прочитать «Евгению Гранде» Бальзака, обратив внимание на детальное воспроизведение характеров и среды: «*каждая деталь подводит к главному эффекту и работает на него*» [1, с. 48]. На его взгляд, некоторые эпизоды из «Евгении Гранде» навсегда остаются в памяти, в особенности картины «*мрачного и холодного жилища, в котором старится и вянет Евгения Гранде*» [1, с. 48].

На литературный источник «Вашингтонской площади» обратили внимание такие западные исследователи, как С. Снелл, М. Свон, С. Жан-Дельбар-Гарант и другие. Кроме литературного источника существовал и реальный случай, о котором поведала Джеймсу известная актриса Фанни Кэмбл. Она рассказала писателю о своём брате, бессердечном эгоисте,

домогавшемся руки богатой наследницы. Отец девушки был категорически против этого брака, заявив, что лишит дочь наследства. Естественно, молодой человек тотчас же отказался от своего намерения. Правда, через много лет, он вновь пытался возобновить отношения с покинутой им девушкой, но получил решительный отказ.

В сюжетах обоих художественных произведений наблюдается известное сходство: отец обрёл дочь на одиночество, жестоко распорядившись её судьбой. Мы писали ранее о том, что в обоих романах можно обнаружить классическую гегелевскую коллизию: *«конфликт между поэзией сердца и противостоящей прозой отношений»*, когда судьба обеих героинь превратилась в *«драму без гибели»* [1, с. 54].

Как и в Сомюре, где всюду господствовал вопрос «что платишь?» и «люди превращали свои сердца в камень», так и в старом Нью-Йорке существовала та же система ценностей и понятий.

В роман Джеймса естественно и закономерно вошла тема власти денег, с которой была связана тема утраченных иллюзий и несбывшегося счастья, воплотившаяся затем в его романах «Женский портрет» (1881) и «Крылья голубки» (1902).

Джеймс в одной из статей о Бальзаке (1902) отмечает, что *он «читал Вселенную по Франции своего времени... его глаза смотрели на собственную работу как на человеческую драму и в то же время как на зеркало многих социальных явлений»* [2, с. 195].

Между 1830 и 1837 гг. Бальзак написал «Философские этюды», одним из признаков которых обычно считают фантастику, которая, в частности, существует в «Шагреневой коже». Д. Затонский заметил, что в «Шагреневой коже» *«фантастична лишь центральная сюжетная посылка – мифотворческий символ сжимающейся шагреневой кожи»* [3, с. 195]. В остальном, как считает исследователь, роман не лишён исторической достоверности. История Рафаэля де Валантена – это *«история растления и убийства молодого человека равнодушным, корыстным эгоистическим обществом, один из вариантов утраты иллюзий»* [3, с. 198]. Бальзак подчёркивал, что Рафаэль, став наследником шести миллионов, обнаружил, что шагреневая кожа сжалась в размерах: *«Мир принадлежал ему, он всё мог – и не хотел уже ничего»* [4, с. 501].

На талисмани из шагреневого кожи была начертана фраза об исполнении любого желания его владельца. Однако надпись заканчивалась предупреждением соразмерять свои желания с жизнью, поскольку с каждым желанием жизнь владельца будет убывать, приближаясь к финалу.

Создавая фантастическую историю Рафаэля, Бальзак изображал Жизнь в сватке с Желанием. В судьбе персонажа играют роль две женщины: Полина, воплощающая в себе чистоту нравственного чувства, и Феодора, демонстрирующая холодный расчёт, олицетворяющая всё парижское общество с его безудержной жадой наживы и чудовищным эгоизмом.

На наш взгляд, в романе Джеймса «Крылья голубки» (*The Wings of the Dove*, 1902) можно усмотреть некоторые аллюзии на темы, поднятые Бальзаком в «Шагреневой коже». Джеймса также волнует нравственная картина окружающего его буржуазного общества и духовная суть современного человека. Как и Бальзак, он видит разгул собственнических, хищнических инстинктов в наблюдаемой им лондонской жизни, которая кажется ему бесчеловечной, вульгарной, унылой и отвратительной.

Главная героиня романа, двадцатилетняя американка Милли Тилл, прибывшая в Лондон в стремлении познать жизнь и людей, «увидеть конкретный мир, знакомый и любимый, возникший из прочитанных книг, мир, о каком лишь мечталось» [5, с. 122]. Эта девушка, «стоящая на пороге жизни», вдруг оказывается приговорённой к смерти», – записал Джеймс в своём дневнике, размышляя над темой будущего романа [6, с. 224]. Он усмотрел «богатое внутреннее содержание» в идее, как ему казалось, весьма скромной: «девушка узнаёт, что жить ей осталось совсем немного... она любит жизнь, мечты её были огромны, и она страстно цепляется за жизнь, молит о ней» [6, с. 224].

Оказавшись в Европе, Милли жаждет новых впечатлений, полна надежд. Величественное аристократическое поместье Четтем, куда она была приглашена, кажется ей «символом предназначенного счастливого преуспевания» и напоминает композиции в духе Ватто [5, с. 181].

Современник Джеймса, писатель Форд Медокс Форд отметил, что книги Джеймса дают представление о вибрирующей реальности, о том, как сознание человека «пульсирует между явным, очевидным и внутренним, часто скрытым, что составляет суть жизни» [7, р. 141]. Для изображения внутренних процессов движения души Милли Джеймс прибегает к приёмам литературного импрессионизма. Его интересует сама фактура человеческого опыта: едва уловимое и случайное объединяется в значимое и целое. Сама атмосфера дома, Ланкастер-Гейт, уровень приёма гостей, вызывали в ней одновременно «звучание колокола и глубокие полутона скрытых смыслов», Милли обращала внимание на малейшие мелочи: «лица, руки, драгоценности женщин,

звучание слов – особенно имён, доносившихся с противоположной стороны стола, форма вилок, аранжировка цветов, поведение слуг, стены комнаты – всё было штрихами картины – и символами играемой пьесы» [5, с. 131].

Племянница хозяйки дома, привлекательная Кейт Крой показалась ей *«исключительно дружелюбной, поразительно добросердечной и близкой» [5, с. 131]* Она произвела на Милли огромное впечатление своей красотой и *«возвышенностью души» [5, с. 128]*. Всё казалось Милли ярким и необычным. Она даже почувствовала радостное возбуждение от того, что «попала в струю», что её интерес к людям и любовь к жизни здесь, в Лондоне, воплотились воочию.

Милли не сознаёт, что гости, приглашённые к Мод Лоудер в Ланкастер-Гейт видят в ней одинокую, осиротевшую беззащитную американку с большим состоянием. Девушка не понимает, что внимание к ней – лишь дань условности. Их привлекают, в первую очередь, её деньги. Бесприданница Кейт Крой мечтает соединить свою судьбу с молодым журналистом Мертоном Деншером, молодым человеком с ограниченными средствами. Её тётушка, Мод Лоудер, находит ей выгодную, по её понятию, партию, в лице лорда Марка, обедневшего аристократа, но владеющего титулом, что для Мод Лоудер является определяющим фактором. В романе Джеймса дана обобщающая характеристика Мод Лоудер: *«она сама – лондонское общество»*. Здесь прямая перекличка с Бальзаком: *«Феодора – это общество»*.

Кейт Крой узнаёт, что Мертон Деншер, во время недавней служебной командировки в Нью-Йорк наносил визиты Милли Тилл. Она догадывается, что Милли влюблена в Деншера, и предлагает ему жениться на ней, чтобы после её кончины завладеть её состоянием. Кейт даже называет Милли голубкой, считая, что после её смерти она накроет их крыльями богатства.

Также как и Рафаэль де Валантен, Милли обречена на смерть. В предисловии к нью-йоркскому изданию (1909), Джеймс излагал идею своего романа: *«юная особа, сознающая в себе великую волю к жизни, но рано поражённая болезнью, обречённая на смерть и получившая слишком короткую отсрочку к страшному приговору, влюблена в этот мир и, более того, – хотя и знает о своём приговоре, – страстно желает до своего угасания “выжать всё возможное” из наибольшего числа тончайших вибраций и так обрести, пусть на недолгое время, пусть урывками, ощущение, что она жила» [5, с. 607].*

Живите, живите в полную силу, – советует Милли знаменитый

лондонский доктор Люк Стретт. *«Жизнь как выбор, жизнь как волевой акт – будьте активны»* – напутствует её доктор [5, с. 215].

В. Бахмутский в своей статье о «Шагреновой коже» Бальзака подчеркнул: *«Покуда Рафаэль охвачен страстью, желанием, продолжает надеяться и верить, – он живёт... Самое страшное, что в этой борьбе он потерял свою живую душу»* [5, с. 236].

Окружающее Милли общество в лице Кейт Крой, лорда Марка, Мод Лоудер хладнокровно и цинично наблюдает *«вдохновенную и страстную борьбу Милли с болезнью»* [5, с. 610]. Джеймс заметил: *«жизнь, несмотря на её болезнь, – предстала перед этой молодой женщиной как нечто ослепляющее – соблазнительное и радостное»* [5, с. 610]. Она любит и, как она смеет надеяться, любима Деншером. Когда она догадалась об истинной причине пребывания Деншера в Венеции, она, как сказала её компаньонка, *«повернулась лицом к стене»* [5, с. 492]. Но, в отличие от Рафаэля де Валентена, болезнь не загасила в ней священную искру человечности. Постепенно Деншер начинает сознавать, сколь неблагоприятную роль он играл, выполняя требования Кейт Крой. Он поймёт, что символ голубки вполне соотносится с состоянием души Милли, её искренностью, нежностью и добротой. Отныне жизненные пути Деншера и Кейт Крой разойдутся навсегда. Джеймс абсолютизировал нравственное начало в историческом развитии человечества.

В статье 1874 года о Тургеневе Джеймс заметил, что в книгах русского писателя властвует непреложный закон, который требует от каждого: *«учись желать и пытайся понять»* [9, с. 501]. В этой фразе нет требования смирения перед жизнью, а напротив, прочитывается призыв к постижению реальной жизни во всех её противоречиях. Что же касается Бальзака, то, по определению, Джеймса он был историком общества, обладал *«могущественнейшим воображением и непревзойденной пронизательностью, видел свою тему в научном свете, в свете соотнесённости всех её частей»* [2, с. 194]. Величайшей силой Бальзака он считал *«единство всеобщего с местным и национальным видением»* [2, с. 194]. Этому «воздуху реальности» Джеймс призывал учиться у Бальзака.

Список использованных источников

1. Селитрина, Т.Л. Г. Джеймс и проблемы английского романа (1880-1890). Свердловск, «Издательство Уральского Университета», 1989. – 127 с.
2. Джеймс, Г. О литературе / Г. Джеймс // «Вопросы литературы» – №2 – 1983. С. 177-211. - 288 с.

3. Затонский, Д. Бальзак // Д. Затонский // История всемирной литературы в 9 т. – М.: «Наука», 1989. – Т. 6. – 880 с. – С. 195–206.

4. Бальзак, О. Шагреневая кожа // Бальзак, О. // Собр. соч. в 20 т. – М.: Изд-во «Правда», 1960. – Т. 18. – 606 с.

5. Джеймс, Г. Крылья голубки: роман / пер. с англ. И. Бессмертной / Генри Джеймс. – М.: «Иностранка», «Азбука-Аттикус», 2016. – 640 с.